

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

4

1983

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

3. Расположением на транзитном международном торговом пути, функционировавшем как ветвь «Великого шелкового пути», по крайней мере с первых веков н. э.

4. Средоточием функций столицы области и крупного идеологического центра с середины I тыс. н. э.

М. И. Филанович

**ЯНГИ АРХЕОЛОГИК МАЪЛУМОТЛАР АСОСИДА ТОШКЕНТНИНГ
ҚАДИМИЙ ТАРИХИНИ УРГАНИШ ЯҚУНЛАРИ**

Мақолада Тошкент тарихи дастлабки этапининг ўрганиш бўйича янги археологик ишлар якуни келтирилган. Натижалар Ўзбекистон пойтахтининг 2000 йиллик ёшени ишонarli тасдиқлайди.

Х. ЗИЯЕВ

ТАШКЕНТ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

(По данным русских источников)

Период XVIII — первой половины XIX в. характеризуется значительным расширением экономических и политических связей России со Средней Азией, в которых все большую роль играл такой крупный торгово-ремесленный и культурный центр региона, как Ташкент. Отсюда — вполне закономерное усиление интереса в России к Ташкенту, его политическому и экономическому положению. Ценные данные об этом содержали, в частности, отчеты и записки российских путешественников, послов, чиновников, купцов. Русская администрация старалась получить интересующую ее информацию и у тех ташкентцев, которые прибывали в Россию. Таким образом, накопился довольно широкий круг источников, изучение которых позволяет полнее и глубже осветить различные аспекты истории Ташкента XVIII — первой половины XIX в., т. е. периода, предшествовавшего присоединению города и вообще Средней Азии к России.

Так, заслуживают внимания сведения, сообщенные ташкентцем Нурмухаммадом Муллою Алимовым, прибывшим в 1735 г. в Уфу, и Шубаеом Арслановым, побывавшим в 1741 г. в Ташкенте.

По словам Нурмухаммада Муллы Алимова, Ташкент в то время был «окружен стеною кирпичною на четыре угла; в него въезжих ворот с башнями тридцать двое. Городовая стена толстая, что де по ней верхами по два человека ездят; в такой случай, когда неприятеля с войной увидают, то караульщики по стене скачут и кричат, дабы к обороне были готовы. Длинною тот город от ворот до ворот езды от обедни до вечерни и попереk тоже. Строение мечетей и домов все кирпичное, и почти у всякого дому над воротами башни жилья, палаты в одно, в два и три жилья, однако же больше в одно жилье, потому что не столько тщатся в строение, сколько в сады, в коих были хорошие плоды»¹.

Надо сказать, что здесь допущена ошибочная информация насчет возведения стены и домов из кирпичей, на самом деле дома обычно строились из сырцовоy пахсы или были каркасными, а городская стена была сложена из пахсы.

Нурмухаммад Мулла Алимов сообщает отдельные данные и о внутреннем расположении города. Он отмечает, что «улицы большия, прямья от городских ворот до других ворот, а малые переулки есть всякие. Вода приведена из помянутой речки (Чирчика) от гор во весь город, и тем довольствуются все дома без нужды. В том же городе Ташкенте в середине кремль, также имеет особую каменную стену креп-

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 71.

кую, в него во все стороны шесть ворот, называют тот город старый Ташкент; жилые тесные, а живут духовные их, также школы, да магистерский суд у ворот, называемых Кукча, при мечети»².

В самом городе и окрестных селениях были развиты садоводство, овощеводство, бахчеводство, выращивались виноград, персики, айва, груши, сливы, черешни, вишня, орехи, яблоки, арбузы, дыни, морковь, репа и др.; из зерновых культур — пшеница, ячмень, просо, рис, а также конопля и льняные растения. Из винограда делали «тайно вина для того, что духовные пить запрещают»³, а также из него выжимали сок, называемый шинны.

В городе были развиты различные ремесла, в том числе ткачество. «В шелку и в бумаге хлопчатной довольство, и делают всякие на тамошний расход парчицы, полотна и выбойки»⁴. Важное место занимало производство изделий из металлов, о чем Нурмухаммад Алимов сообщает следующее: «В Ташкентском и в Туркестанском владениях довольно железа, кое копают в горах, а наипаче по реке Чилчи (Чирчик); медь привозят из Самаркандской стороны, и продается дешевою ценою; свинцу вблизи Туркестана в горе, называемой Сувунду, великое множество, где всяк, кому надобно, берет, и льют пули, а золото добывают песчаное в верховье Чилчи речки в верховье же Сыр-Дарьи и отвозят на продажу в Бухарию, а много ль и как добывают, того не ведают, а блиски города к местам, где на верховье Сыр-Дарьи золото добывают, Хожанского владельца: Куламбаш, Чомь, Казнак; жители тем золотом себя и содержат, а на Чилчи речке золото в Бухарах похваляют лучше Сыр-Дарьи»⁵.

Ташкент вел тогда торговлю с Бухарой, Самаркандом, Туркестаном, Карши, Хивой, Бадахшаном, Шахрисабзом, Балхом, а также с Россией и другими странами⁶. Касаясь торговли с Россией, Н. Алимов отмечал, что «в Ташкенте русские товары нужны: карамзинные сукны лучшие на их деньги два рубли с полтиною, а на корсаки сменять — дадут 40 корсаков, а на парчицы шелковые — кусков пять или шесть, прочие по доброте сукон, разные цены; одна юфть (кожа) красная — на деньги три рубля, а корсаки — 60; бобры немецкие, по доброте, по два рубли и с полтиною и по три рубли, а корсаков — 40; иглы бумажка, в коей 250 иголок, по гривне и по четыре алтына, а корсаков — два; бисер и каралки покупают на взгляд; консменное семя золотник по корсаку. А их товар: корсаки, лисицы, бобры и барсы, шелковые резные парчицы, и бумажные выбойки, и полотно бумажное, да привозные из Бадакшана и Балха камни цветные»⁷.

Таким образом, предметы торговли между обеими странами были весьма разнообразными. Следует отметить, что в то время в окрестностях Ташкента в значительном количестве водились волки, лисицы, барсы и другие хищные звери, меха которых и вывозились в Россию.

Небезынтересны и данные Н. Алимова о состоянии базаров в городе. «Торг в Ташкенте — внутренний в четверг, в пятницу, в понедельник всякими товарами и прежде бывало приезжие купцы становились кто где хотел, и принимали жителей без всякого найму. А рынок главный в кремле, у которого недавно сделаны городские амбары, и пускают в них малой платы приезжих складывать свои товары, причем и сами живут. Прочих малых рынков в большом городе множество, а во всяком базаре один товар: в коем хлеб, в том другого ничего нет, бумага хлопчатая, шелк, кафтаны, сапоги, выбойки, шелковые парчицы и прочее все по разным рынкам. Приезжают к нам из других городов купцы»⁸. Здесь надо сказать, что для реализации

² Там же, л. 71 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 74 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 72 об.

каждого товара имелись не отдельные базары, а на каждом базаре существовали специальные ряды по видам товаров.

Нурмухаммад Мулла Алимов дает сведения и о караванных путях. Так, он сообщает, что на дорогу от Ташкента до г. Туркестана с вьюками верблюжьими ушло 6 дней. Отсюда через реку Ирғиз до Уфы ушло всего 43 дня, до Бухары — 10 дней, до Балха — 23 дня, до Бадахшана — 5 дней⁹.

В сообщении Нурмухаммада Муллы Алимова содержатся также данные о правлении городом. Известно, что в то время Ташкент находился в полувассальном положении от хана казахов Большого жуза, который ограничивался получением с города ясака. Фактическими правителями Ташкента были представители местной знати. «Градодержатели или магистратских чинов главных всех десять человек...; они живут в кремле у ворот Кукча ж, и всякие главные дела судят, и посылают от себя в другие орды с ведома и без ведома (казахских) ханов своих, а для прочих судных дел у всяких большого города ворот определены по одному старшине, кои тут судят и всякую расправу делают, все на словах, сыскивая правды, а чего рассудить не могут, спрашиваются с первым духовным ахуном, который разбирает по китабу, то есть по курану по судным главам, и власть имеют казнить городских жителей, не спрашиваясь с ханом, а к хану отсылают только винных кайсаков (казахов)»¹⁰.

Ташкентскому владению тогда принадлежали такие местности, как Хандайлик, Ходжакент, Паркент, Заркент, Нушбя, Намданак, Карамурт, Чимкент, Сайрам и др. Казахский хан Жулбарс брал с жителей города и указанных местностей «ясак, то есть подать, а больше раздает в пожить тем, кого из своих подданных любит или боитца»¹¹. Подати взимались деньгами и товарами; основное бремя их ложилось на трудовое население.

Наши представления о политическом и экономическом положении Ташкента конца 30 — начала 40-х годов XVIII в. значительно дополняются сведениями купца Шубая Арсланова, посланного в 1741 г. русской военной администрацией из Орска в Ташкент. Вместе с ним отправились в путь курский купец С. Дроздов и казахский татарин М. Юсупов с различными русскими товарами. Как видно из материалов, относящихся к пребыванию Ш. Арсланова в Ташкенте, целью этой поездки было определение возможностей развития торговых связей и привлечения местного купечества к торговле в Оренбурге.

В том же году русский караван прибыл через Туркестан в Ташкент. Здесь Шубай Арсланов находился около 5 месяцев, а затем возвратился в Орск, где и представил свой рассказ о Ташкенте. По его словам, тогда в городе правил представитель местной знати Кусек-бек, сумевший взять власть у казахского хана Тюлебия, который пребывал в окрестностях Ташкента. Однако как Кусек-бек, так и Тюлебий были вассальными правителями калмыцкого хана. Ранее казахский хан Жулбарс «обще» с Тюлебием управлял городом и оба ежегодно брали с Ташкента дань в 40 тыс. тенег¹². В 1739 г. ташкентцы убили Жулбарс-хана, после чего правителем стал Тюлебий, позднее лишенный власти Кусек-беком. Однако за Тюлебием было оставлено право взимать дань по-прежнему. «А Тюлебий по ево же Кусекову усильству, — говорит Ш. Арсланов, — хотя из города выжил, токмо от совершенного владения отрешить не могли, но с таким договором, чтоб ему Тюлебий Большой орды с старшинами вышеозначенную дань со всего города по сороку тысяч тенег на год платить, кою по

⁹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) СССР, ф. 248 Сената, кн. 1131, л. 198.

¹⁰ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 71 об.

¹¹ Там же.

¹² ЦГАДА СССР, ф. 248 Сената, кн. $\frac{5}{136}$, л. 193

прошлый год они и платили, понеже они ташкентцы от тех киргиз-кайсаков кочевьем их весьма утеснены, так что около самых их пашнь и дровосеков, и когда их кайсаков не удовольствуют, то из города не токмо куда за каким особливым промыслом, яко для торгу и прочего, но и за дровами, а всего наипаче на пашни выехать не дадут и как только появятся, то всякого в полон забирают»¹³. Вместе с тем Тюлебий, ставка которого была расположена на берегу Чирчика, откуда начинается канал Бозсу, обеспечивавший Ташкент водой, мог в любое время перекрыть воду. В этой связи Шубай Арсланов отмечает, что «он Тюлебий с таким утеснением Ташкенту учинил, что ежели и захочет тот текущий туда канал, то тотчас запрудит и в другую сторону пустить может, от чего ташкентцы принуждены могут быть за удержанием на пашни воды помереть»¹⁴.

Таким образом, ташкентцы были вынуждены платить дань Тюлебию ради обеспечения безопасности торговых караванов и во избежание всякого рода притеснений и нападений на горожан в случае их выезда в окрестности города, а главное — под угрозой лишения его воды.

В то время как Большая орда казахов, так и Ташкент находились под властью калмыцкого хана. По утверждению Ш. Арсланова, впоследствии Кусек добился передачи дани в 40 тыс. тенег не Тюлебию, а самому Голдан Чирину, к которому, по тогдашнему обычаю, отправил «в аманаты сына своего с двенадцатью человеки людей своих»¹⁵. Однако Кусек не был основным ставленником калмыцкого хана в Ташкенте, а как бы вторым правителем из коренных жителей. Так, при Шубае Арсланове в город в качестве правителя Ташкента прибыл некий Касымходжа (родом из Самарканда) с 500 калмыцкими воинами¹⁶. Итак, ташкентцы испытывали тройной гнет местных феодалов, калмыцких и казахских ханов.

Положение трудового народа было крайне тяжелым. «Народ ташкентский,— отмечает Ш. Арсланов,— от большей части в великом от него (Кусека) недовольствии, ибо за самые малые дела со всеми домами разоряет...»¹⁷ Правлением Кусека были недовольны не только народные массы, но и отдельные круги местной знати. В результате во время пребывания Ш. Арсланова в Ташкенте против Кусека был организован заговор во главе с Салиходжой, но он был раскрыт, причем поймано 5 заговорщиков. Большая часть участников заговора успела скрыться за пределами города. Шубай Арсланов был свидетелем страшной расправы, которую учинили не только с участниками заговора, но и с их родственниками. «И оных пойманых, также их, и бежавших отцов и братьев человек з двадцать с пятью он Кусекбек казнил, иных повесили, иным головы отрубили, иных же кололи, а жен и детей их в хозяйство к себе и старшины его разобрали и дома в конец разорили»¹⁸.

По словам Ш. Арсланова, жители города бежали от преследований и притеснений за пределы Ташкента, к Тюлебию. Последний жестоко эксплуатировал таких беглых и захваченных в плен ташкентцев. Так, они «на него Тюлебия пашут и сеют хлеб»¹⁹.

Шубай Арсланов в общих чертах обрисовывает облик города того времени: «Ташкент укрепление свое имеет мазанковое, около его вал мазанковый небольшой. Величиною тот город блис Казани, в нем двенадцать ворот, домовые строения все мазанковые, токмо весьма непорядочно, а до коликого числа домов не знает, в нем же множество

¹³ Там же, л. 193 об.

¹⁴ Там же, л. 194 об.

¹⁵ Там же, л. 195 об.

¹⁶ Там же, л. 189 об.

¹⁷ Там же, л. 194.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, л. 194 об.

садов, мечетей одних больших в коих молятся по праздникам... у ворот вместо караулу имеются особливые мазанки, в которых обретаются приставы, пушек у них нет, токмо некоторые вместо того имеют у себя в домах долгие стволы наподобие ружей и сказывают, что оные выстрелом берут далеко, которые в Ташкенте и делают»²⁰.

Из этих данных явствует, что город имел 12 ворот, а не 32, как сообщал Нурмухаммад Мулла Алимов. О существовании 12 ворот единодушно говорят и очевидцы, побывавшие в Ташкенте в последующие годы.

Ценные сведения содержатся в сообщении Шубая Арсланова и о торговых операциях Ташкента. Арсланов привез и продал там кожи красные, краску, кафтаны, шитье, иглы, меха белки и выдры. Взамен он приобрел различные бумажные ткани, шкуры лисиц, корсаков, волков и иные товары²¹. По его словам, Ташкент в то время вел довольно оживленную торговлю с Бухарой, Ходжентом, Кашгарией, калмыками, казаками и др. Ш. Арсланов подчеркивает, что Ташкент получал значительную выгоду от торговли с указанными местностями. Касаясь торговли с Бухарой, он говорит, что приезжают «бухарцы с мерлушками небольшим числом, с бархатом красным и черным, с кушаками и парчами шелковыми, а меняют ташкентский и российский товар всякий»²². Арсланов сообщает, что купцы из Ходжента также покупали «больше российский товар»²³.

Из этих данных явствует, что русские товары привозились в Ташкент в немалом количестве и не только потреблялись местными жителями, но и вывозились в другие районы Средней Азии. Ш. Арсланов отмечает, что в Ташкенте большим спросом пользовались такие русские товары, как сукно карамзинное красное, бобры, выдры, кожи, краска брусковая и др.²⁴

Во время своего пребывания в Ташкенте Ш. Арсланов всячески старался «ташкентских сартов к приезду в Оренбург для торгу сколько возможно более уговорить»²⁵.

В этот период торговля Ташкента с Россией значительно выросла, о чем свидетельствует Шубай Арсланов, отмечая, что «о торгу оренбургском у них ташкентцев хотя довольно известно было, но рассуждение затем было пресекалось, что через тутошних же сартов бывших для торгу в киргис-кайсаки, такое известие явилось было, которым киргис-кайсаки сказывали, якобы Оренбург, Казань и Москву взяли кубанцы, а кроме того об оном торгу рассуждают, что хорош, и как то известие они Шубай и Мансур сколько можно тамо уничтожали и ташкентцев к езде для торгу в Оренбург склоняли, то их человек с семьсот сюда и приезжало»²⁶. Этот большой караван ташкентских купцов вместе с Ш. Арслановым благополучно проследовал через Туркестан и прибыл в Оренбург. Кроме того, многие ташкентские купцы под влиянием Шубая Арсланова отправились в Оренбург, когда Арсланов еще находился в Ташкенте²⁷.

Таким образом, пребывание небольшого русского каравана во главе с Ш. Арслановым имело немаловажное значение для расширения торговли между Ташкентом и Оренбургом, а его записки значительно дополняют и уточняют отдельные вопросы истории Ташкента.

Интересны и сведения майора Карла Мюллера, отправившегося в 1742 г. через Ямышевскую крепость во владения калмыцкого хана, где ему удалось получить некоторые ценные данные о положении

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 191.

²² Там же, л. 192 об.

²³ Там же, л. 193.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 192.

²⁶ Там же, л. 195 об.

²⁷ Там же, л. 192.

Ташкента. Как видно из сообщения К. Мюллера, калмыки брали с Ташкента «по десять ковров из шелковых материй, пансыри, ружья, выдр, бобров и других вещей — по девяти же, а сверх того и золота и серебра по расчислению и привозят тогда как через два года кайсакской Большой орды ханских и знатных старшин детей в аманаты сменяют»²⁸. Сверх того, как отмечалось выше, калмыцкие ханы брали ясак и в деньгах. Вообще ясак, получаемый калмыками в Ташкенте, был весьма разнообразным и значительным. Одно время и Бадахшан находился под властью калмыцкого хана, который брал с него дань драгоценными камнями²⁹.

В это время в Ферганской долине образовалось довольно сильное политическое объединение во главе с Абдукеримом, распространившее свою власть на Самарканд, Ходжент и др. Оно овладело и Бадахшаном. Абдукерим встал во главе борьбы против калмыцкого хана и направил своих послов в Ташкент, к Кусек-беку, чтобы объединить силы против общего врага. Еще во время пребывания Ш. Арсланова в Ташкенте ему стало известно, что Голдан Чирин послал 40-тысячное войско против Абдукерим-бека в Ходжент³⁰. (Вполне вероятно, что количество войск весьма преувеличено). Чем окончилась эта битва между ними, неизвестно, но дальнейшие события показали, что в борьбе против калмыков Абдукерим одержал верх. Он блестяще выиграл битву с калмыками и под Бадахшаном. По словам Карла Мюллера, калмыцкое «войско под командою владельца Септеня тысячах в пяти ходило к владельцу Абдукеримбеку, который владеет городами Кокантом, Хожантом, Самаркантом, Бадахшаном и прочими по Сыр-Дарье состоящими, токмо оный Абдукеримбек их зюнгарцев (калмыков) под Бадахшаном разбил, от которого к отечеству возвратилось токмо малое число»³¹.

В борьбе с силами Абдукерима калмыки потерпели такой урон, что многие улусы совершенно опустели (к тому же там вспыхнула эпидемия оспы)³². Одним словом, эта борьба расшатала устои господства калмыцких правителей, что привело к освобождению ряда районов Средней Азии, в частности Ташкента. По этому поводу генерал-губернатор Оренбургской губернии И. Неплюев информировал Правительствующий сенат: «Города Ташкент и Туркестан от него (хана калмыков) отложились и ныне с Хивою согласовались, которая также от шаха персидского отложились»³³.

Однако калмыцкий хан не мог смириться с таким положением, тем более что Ташкент, Туркестан, Бадахшан были самыми богатыми и доходными его владениями. По словам К. Мюллера, Голдан Чирин, чтобы восстановить свое господство, направил в Ташкент большое войско. Так, калмыцкие войска «четыре тысячи под командою владельца Агацака пришли под Ташкент, который осадили, понеже оным владеет Кусекбек, который от зюнгарского владельца отложился и держит партию вышеобъявленного Абдукеримбека и оному Агацаку от Голдана Черена приказано, чтоб он сорок дней под Ташкентом стоял и ежели в сорок дней не отдасца, то велено ему отступить и дать на волю тот город разорять Большой орды кайсакам»³⁴.

Из всех данных явствует, что население Ташкента совместно с войсками Абдукерима вело упорную борьбу против иноземных захватчиков.

Ценные сведения по истории Ташкента имеются и в записках Филиппа Назарова, побывавшего в 1813—1814 гг. в Ташкенте и Коканде.

²⁸ Там же, кн. 149, л. 203 об.

²⁹ Там же, л. 203.

³⁰ Там же, кн. ⁵136, л. 195 об.

³¹ Там же, кн. 149, л. 203, 203 об.

³² Там же, л. 165 об.

³³ Там же, л. 166.

³⁴ Там же, л. 205.

«Губернский город Ташкент, — пишет он, — находится при реке Чирчик, большая часть обширного города сего, занимающего в себе до 20 000 домов, построена в логу; кругом на пространстве 15 верст, город обнесен высокою стеною, возведенною из нежженного кирпича, в коей находится 12 ворот..., внутри города расположены обывательские сады, которые огорожены также высокими стенами, столь близко отделенными между собой, что оставленные между собой проходы, более похожи на коридоры, нежели на переулки. В предместии города также находятся сады. Вода приведена из реки Чирчик каналом, из коей в городе воды пропущены фонтаны... Есть множество запустелых храмов с куполом»³⁵.

Если численность домов в городе составляла 20 тыс., то, полагая, что в каждой семье было в среднем по 3—4 человека, можно считать, что численность населения Ташкента достигала 60—80 тыс. человек.

Небезынтересны сведения Ф. Назарова о положении женщин города. «Я женщин, — говорит он, — видел токмо на базаре под покрывалом. Они стройны и одеваются весьма богато, накидывают на себя халаты, на головах носят чалмы, а на лицо опускают волосяную сетку, которая пришивается к халату»³⁶.

Филипп Назаров был свидетелем антикокандского выступления, направленного на восстановление былой самостоятельности Ташкентского владения. Во главе выступления стоял представитель местной знати Рустамбек, скрывавшийся после захвата Ташкента Кокандом в казахских степях. Он действовал с помощью бухарского хана. Но это выступление было жестоко подавлено и участники его подверглись суровому наказанию. «В продолжение 10 дней, — пишет Ф. Назаров, — я видел беспрестанно казнь их несчастных... и ташкенцы в ужаснейших мучениях выпустили дух, ташкенцы приведены сим были в ужаснейший страх»³⁷. Рустамбек был пойман и приговорен к смертной казни. Однако его родственники обратились к Ф. Назарову, чтобы он содействовал отмене казни. Они вручили Назарову драгоценные подарки, чтобы он вручил их правителю Ташкента и уговорил последнего смягчить меру наказания. Назарову удалось выполнить эту просьбу и Рустамбек взамен смертной казни был выдворен из Ташкента. Этот факт свидетельствовал, между прочим, о том, что в то время авторитет России в Ташкенте был настолько сильным, что просьба ее представителя не осталась без внимания.

Значительно обогащают наши представления по истории Ташкента и записки хорунжего Потанина, сопровождавшего в 1830 г. кокандских послов, возвращавшихся из России на родину. Потанин имел небольшой военный отряд в составе 12 казаков и одного урядника. Вместе с ним был и кокандский посол с 12 человеками. Перед тем, как войти в город, Потанин остановился со своим отрядом в Каракамыше, куда и прибыл для встречи с ним представитель администрации Ташкента. В городе русские были приняты с должным почетом и уважением. «Я, — пишет Потанин, — отправился с отрядом и посланниками в город. По сторонам верблюдов, везущих подарки, ехали по два казака, а с остальными людьми выступал я фронтом. Нас встретил токсаба (достоинство или чин выше бека) с 50 человеками, вооруженными копьями, саблями и стрелами... Воины были одеты в халаты различного цвета и в чалмы, также разноцветные, и ехали без всякого порядка; некоторые из них были на аргамаках, а некоторые на киргизских лошадях. За ними следовала многочисленная толпа жителей пеших и конных, и старых, и малых»³⁸.

³⁵ Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах. СПб, 1821, с. 37.

³⁶ Там же, с. 41.

³⁷ Там же, с. 44.

³⁸ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР, ф. ВУА, д. 24766, л. 12.

Появление русских в центре города вызвало огромный интерес у широкого круга населения, которое было удивлено и восхищено дисциплинированностью русских солдат. Потанин пишет: «Вступив в город, мы увидели на домах, на заборах и на улицах множество народа как мужского, так и женского пола; все старались увидеть нас как некое чудо и удивлялись нашему порядочному шествию, нашей одежде, лоснящимся киверам и вооружению нашему... Мы проходили через базар, то весь народ, бывший тут, оставил торговлю и обратил на нас все свое внимание. Нас беспрестанно окружали, забегали вперед и почти заграждали дорогу...»³⁹ Правитель Ташкента — кушбегі дал обед в честь приезда русских. На обеде он «довольно расспрашивал меня о России», — говорит Потанин. После обеда кушбегі просил Потанина «показать ему военную экзерцицию их, выстроив казаков, заставил их маршировать, делать различные повороты, сабельные приемы и фланкирование пиками. Он был весьма доволен этим, благодарил меня и много дивился ловкости, скорому движению и стройности казаков, присовокупив, что хан будет также очень доволен прибытием нашим в Кокан»⁴⁰.

Хорунжий Потанин отмечает, что в Ташкенте «хлебопашеством и садоводством жители занимаются тщательно, и благодарная земля с избытком вознаграждает труды их. Впрочем плодородию земли вспомоществуют здесь таким же искусством, проводя по пашням и садам из протекающих речек каналы»⁴¹.

В записке имеются отрывочные сведения о музыке и плясках ташкентцев, а также о женщинах. Так, Потанин пишет: «Ташкентцы ростом средние, статны, любят роскошь и увеселения, и ласковы и чрезвычайно женюлюбивы. Женщин строго запрещается видеть и каждый хозяин дома имеет для приема гостей особенные комнаты»⁴².

Хорунжий Потанин, посетив Среднюю Азию, увидел здесь не только безводные и бесплодные степи, но и земледельческие оазисы, города и селения. Он дает высокую оценку трудовой деятельности местного населения. «Взору путешественника, — пишет он, — представляются в странах этих уже не дикие бесплодные пустыни, не народы, беспрестанно переходящие с подвижными жилищами и многочисленными стадами..., а здесь он видит повсюду поля, обработанные трудолюбивою рукою земледельца; видит обширные города и многие селения; видит народ, соединенный в политическое тело, достигший некоторой степени гражданской образованности... и занимающийся торговлею, полезными ремеслами и художествами, служащими и спокойствию и приятностям жизни»⁴³.

Из Ташкента Потанин по предложению правителя города отправился в Коканд, где он также был принят с большим почетом.

Потанин оставил обстоятельное описание путей сообщения между Ташкентом и Сибирью, по которым следовали торговые караваны и послы. Как видно из записок, 12 августа 1829 г. он оставил Омск и прибыл в Семипалатинск и переправился через Иртыш. Затем он вступил в Голодную степь, или Баткак-Дала. По этой дороге он прошел более 800 верст. Идти по ней было весьма тяжело из-за недостатка воды и отсутствия поселений. По дороге встречались каменные горы. У подножия одной из таких гор, называемых Темирчи, Потанин видел аршина в три высотой каменный столб с изображением человеческого лица. Такой же каменный столб ему пришлось встретить и около горы Кызыл-Рай, над родником Богазы-Булак. Кроме того, здесь были четырехугольные плиты, вдавшиеся в землю своими боками. «Плиты и столбы близ горы Кызыл-Рая, — пишет он, — пред-

³⁹ Там же, л. 12 об.

⁴⁰ Там же, л. 16.

⁴¹ Там же, л. 14.

⁴² Там же, л. 14 об.

⁴³ Там же, л. 19.

ставляют вид разрушенных зданий, но кажется, с большею вероятностью можно положить, что первые служили надгробными камнями, а последние — памятниками прославившихся мужей тех народов, которые прежде населяли страны эти... Изображения на столбах сделаны довольно искусно, магометане почитают место это священным, и киргизы, и ташкентцы и другие народы, исповедующие магометанскую религию, проезжая мимо оно, останавливаются и приносят молитвы»⁴⁴.

После степи дорога шла по р. Чуй, вытекающей из гор Алатау. Переправившись через реку, караваны направлялись по ее рукаву, течение которого простиралось до 500 верст. Здесь Потанин встретил торговый караван, шедший из Ташкента в Семипалатинск. Между прочим, и Филипп Назаров был свидетелем прибытия торговых караванов в Ташкент в Семипалатинск и Петропавловск и отправки их обратно. Например, при нем в 1814 г. из Ташкента в Семипалатинск и Петропавловск отправился торговый караван, состоявший из 1500 верблюдов.

После переправы через рукав р. Чуй дорога вновь шла по степи, состоявшей из бугров и песка; идти по ней было очень тяжело. Отсюда дорога направлялась к укреплению Кокандского ханства Чолак-Кургану, затем до урочища Чолак-Ашу, где соединялись горы Боролдай и Каратау. Большинство жителей Чолак-Кургана состояло из ташкентцев, которые находились там на административных должностях, занимались торговлей и земледелием. Здесь в пользу кокандского хана взималась пошлина с караванов, идущих из России и других мест. Затем дорога шла через Минг-Булак и Чимкент. Там русские были весьма тепло приняты местными правителями. Потанин пишет, что правитель города «угостил нас чаем, курительным табаком, виноградом, дынями и пловом. Он расспрашивал меня о России, об образе нашей жизни, о нравах и обычаях российских»⁴⁵. Между прочим, Потанин отмечает, что в Чимкенте женщины были более свободными, нежели в Ташкенте. «Женский пол довольно красив, обходителен и не скрывается от мужчин; но это только можно сказать о простонародии, ибо жены чиновников и даже богатых людей мужчинам не показываются»⁴⁶.

В целом отмеченные выше источники содержат, как видим, ценные сведения по истории политической, экономической и культурной жизни Ташкента и сопредельных районов Средней Азии XVIII — первой половины XIX в., в том числе о растущих связях Ташкента с Россией, создававших объективные предпосылки для последующего присоединения города и всего края к Российскому государству.

Х. Зияев

ТОШКЕНТ XVIII ВА XIX АСРНИНГ БИРИНЧИ ЯРМИДА

(Рус манбалари асосида)

Мақолада XVIII аср биринчи ярми — XIX аср биринчи ярми рус манбаларидан Тошкентнинг ўша даврдаги иқтисодий, сиёсий ва маданий ҳаётига оид қимматли маълумотлар кўчирмалари келтирилган. Шу билан бирга Тошкент ва Урта Осиёнинг бутунича Россия составига киришининг тарихий шарт-шароитлари аниқ намоён бўлади.

⁴⁴ Там же, л. 3.

⁴⁵ Там же, л. 10 об.

⁴⁶ Там же, л. 11.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1985

11

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РОЛЬ ОРЕНБУРГА В РАЗВИТИИ РУССКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII ВЕКЕ

Истоки торгово-экономических и дипломатических отношений России со Средней Азией уходят корнями в далекое прошлое. До возникновения г. Оренбурга (30-е годы XVIII в.) эти связи осуществлялись через Поволжье и Сибирь. С появлением Оренбурга сложился новый крупный административный и торговый центр, сыгравший важную роль в дальнейшем развитии русско-среднеазиатских отношений.

Среднеазиатские ханства получали от торговых связей с Россией большие выгоды. Сбыт товаров, главным образом, готовой продукции кустарной промышленности, особенно различных тканей, способствовал развитию ремесленного производства и земледелия в ханствах. Немалое значение для роста их производительных сил имел ввоз из России меди, железа и других металлов, из которых изготовлялись различные орудия, необходимые для ремесленников и земледельцев.

Россия также была заинтересована в развитии торговли с ханствами, куда она вывозила в основном готовую продукцию и откуда получала ткани и иные ремесленные изделия, а также различную продукцию сельского хозяйства.

Русское государство предпринимало существенные меры, направленные на развитие связей со Средней Азией, и в этом деле важную роль сыграло решение о строительстве г. Оренбурга.

Как узбекские ханства, так и казахские жузы встретили это намерение русского правительства с большим удовлетворением, ибо путь, ведущий к нему, был гораздо ближе и удобнее, чем через Астрахань. В 1732 г. переводчик М. Тевекелов в донесении в коллегию иностранных дел отмечал, что если «Оренбург «построен будет, то в Бухару, в Хиву, в Ташкент и в Торкюстан караваном ходить будет зело способно, ибо от Уфы Хива расстоянием 550 верст, а Хива от того ж устья 600 верст, а до Бухар от того ж устья 800 верст. И дорога зело способная, воды довольные...»¹

Весьма важное значение имело и обеспечение безопасности торговых караванов. В этом отношении многое зависело от ханов казахских жузов, через территорию которых проходили торговые пути. Поэтому русское правительство всячески старалось привлечь к обеспечению безопасности караванов ханов казахских жузов. Последние положительно восприняли эти намерения. Так, в 1732 г. башкирский старшина Кидрас сообщал в коллегию иностранных дел, что когда из России «в Хиву и Бухару караваны посылаемы будут, тогда он, Абулхайрхан, людьми овыми такие караваны без всякой опасности препроводит и такую службу отправлять обязуется»². В том же году Абулхайрхан послал своего сына в Хиву «договоритца о коммерции, чтобы бухарские и хивинские купцы в Россию ездили чрез Киргиз-кайсацкую орду»³.

В 1733 г. послы Большого жуза заявили, что в случае принятия их в подданство России, они «желают купечество распространять в Ташкент, в Самарканд, в Бухару, в Хиву, в Тюркюстан, в Хожан и прочие тамошние места и от тех мест — в Российские города»⁴. В том же году подобное заявление было сделано и в другом письме султанов и биев Большого жуза русскому правительству⁵.

Русское правительство еще в проекте основания г. Оренбурга с особой силой подчеркивало необходимость установления торговых отношений со Средней Азией, в частности с Ташкентом, Туркестаном, Ходжендом⁶. Вместе с тем предусматривалось развивать «коммерцию не только до Хивы и Бухары, но и в другие дальнейшие места посылкою туда российских караванов»⁷.

Прежде всего планировалось отправить торговый караван в Бухару⁸. В него решено было включить и двух офицеров-геодезистов для сбора сведений о тор-

¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1961, с. 96.

² Там же, с. 92.

³ Там же, с. 95.

⁴ Там же, с. 101.

⁵ Там же, с. 103.

⁶ Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII в. М., 1960, с. 98.

⁷ ЦГАДА СССР, ф. 19. Финансы, д. 5 доп., л. 4.

⁸ Там же.

говых путях и положении узбекских ханств⁹. Царским указом 1736 г. предусматривалось также привлечение купцов из Ташкента, Туркестана и других городов Средней Азии «для коммерции оренбургской»¹⁰.

Узбекским и другим иноземным купцам разрешалось селиться в Оренбурге, а администрации его предписывалось оказывать им «ласку и удовольствие»¹¹. Кстати сказать, еще в проекте 1734 г. об основании г. Оренбурга предусматривалось привлечение бухарцев, ташкентцев и хивинцев для поселения в Оренбурге, где им разрешалось заниматься не только торговлей, но и ремеслом¹².

Глава оренбургской администрации И. К. Кириллов старался получить достоверные сведения о ханствах. Прежде всего его интересовали местности вокруг Сырдарьи, Аральского моря и Ташкент. Он решил направить в эти места морского капитана Элтона¹³. Однако это мероприятие не было осуществлено в связи с кончиной Кириллова в 1738 г. Не была доведена им до конца и отправка в Ташкент русского каравана. Но в том же году караван был отправлен в Ташкент В. Н. Татишевым, сменившим Кириллова. В караван были включены также поручик Миллер и подпоручик Кошелев. Однако близ Ташкента караван был разграблен кочевыми шайками, а Миллер и Кошелев с трудом возвратились в Оренбург¹⁴.

Несмотря на это, русское правительство в 1739 г. вновь обязывает администрацию Оренбурга отправить в Ташкент казенный караван с товарами на сумму в две-три тысячи рублей, а с товарами частных лиц — до 15 тыс. руб.¹⁵ В числе товаров были сукна, шелковые ткани, кожи, меха лисиц, краски, оловянная посуда, бисер и др.¹⁶ Было указано по возвращении каравана из Ташкента привезенные им золото, серебро, драгоценные камни, высококачественную парчу «присылать ко двору», а другие товары продавать в Москве «под смотрением сенатской конторы»¹⁷.

В царском указе также говорилось: «...Для посылки с тем караваном искусного в географии отправить велено из Академии наук»¹⁸. Эта миссия по рекомендации профессоров Академии наук была возложена на капитана Филиппова, служившего в Оренбурге¹⁹.

Поскольку в первые годы существования Оренбурга там не было возможности полностью реализовать привозимые товары, тем же указом разрешалось узбекским купцам ездить со своими товарами в Казань и другие города России. Был уменьшен и размер пошлин с товаров: в течение 10 лет (1739—1749) разрешено было с проданных узбекскими купцами товаров взимать по 3 коп. с рубля (против 5 коп. в Астрахани)²⁰.

В 1740 г. в Ташкент был отправлен новый торговый караван с поручиком Миллером. В этом же году в Хиву из Оренбурга прибыли поручик пензенского драгунского полка Д. Гладышев и геодезист Муравин, которые должны были выбрать место для устройства крепости на восточном побережье Аральского моря²¹. Вместе с тем им поручалось выяснить политическое положение в Хиве в связи с походом персидского шаха Надира.

В 1741 г. в Ташкент был отправлен караван с товарами отдельных купцов во главе с татаринном Шубаем Арслановым. Вместе с ним отправились курский купец С. Дроздов и казанский татарин М. Юсупов с различными русскими товарами. Целью их поездки было определение возможностей развития торговли с Ташкентом и привлечения его купечества к торговым операциям в Оренбурге.

В Ташкенте Шубай Арсланов всячески старался, «чтобы ташкентских саргов к приезду в Оренбург для торгу сколько более уговорить»²², и вскоре 700 ташкентских купцов вместе с Шубаем Арслановым прибыли в Оренбург²³.

В 1742 г. в Каракалпакию и Хиву отправился купец Гок, которому администрация Оренбурга поручила привлечь «каракалпацких купцов для торгу в Оренбурге»²⁴. В местности Карамулла, близ устья Кувандары, Гок был принят каракалпацким правителем. Здесь он узнал, что от джунгарского хана Голдан-Чирина прибыл посол с грамотой Султану Батыру — хану Среднего жуза, в которой джунгарский хан категорически требовал, чтобы «проезжающим из России в Хиву

⁹ Там же, л. 4—5.

¹⁰ Там же, л. 7.

¹¹ Там же, ф. 248 Сената, кн. $\frac{12}{143}$, л. 318.

¹² Там же, ф. 19. Финансы, д. 5 доп., л. 4.

¹³ Там же, л. 7.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, ф. 248, кн. 7/138, л. 326.

¹⁶ Там же, л. 379.

¹⁷ Там же, л. 331 об.

¹⁸ Там же, кн. 12/143, л. 428 об.

¹⁹ ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 1329, оп. 1, л. 57, л. 473.

²⁰ ЦГАДА СССР, ф. 248, кн. 12/143, л. 423—423 об.

²¹ Там же, кн. 5/136, л. 192.

²² Там же, л. 195 об.

²³ Аполлова Н. Г. Указ. соч., с. 92.

²⁴ Казахско-русские отношения, с. 210. По словам Гока, в Каракалпакию можно было приобрести различные меха — волка, лисицы, корсаков, барса, овечьи шкуры, а также бухарские товары. Здесь пользовались спросом такие русские товары, как сукна различных сортов, красные юфти, бобры, корольки красные, бисер, ножи, стремена, котлы, иглы и другие железные изделия.

и в Ташкент и оттуда в Россию купцам, какие б они ни были, от кайсаков (казахов) отнюдь никаких обид не было»²⁵. В противном случае Голдан-Чирин грозил разорить и Средний, и Младший жузы.

Среднеазиатские ханства также проявили большой интерес к налаживанию торговых отношений через Оренбург. Характерно, что еще при закладке его в 1735 г. присутствовали и ташкентские купцы²⁶. В 1750 г. в Оренбург прибыл хивинский посол Шербек Аширбай Муллаадыров, чтобы выразить признательность русскому правительству за постройку Оренбурга и с целью развития торговых отношений. Русское правительство также изъявило готовность развивать торговлю с Хивой через Оренбург²⁷.

В 1779, 1786, 1790, 1795 и 1797 гг. в Оренбурге бывали бухарские послы для решения вопросов, касавшихся пошлин, обеспечения безопасности торговых путей и т. п. В 1780 г. русским правительством был направлен в Бухару посол Мендияр Бекчурин.

Установление посольских связей с ханствами через Оренбург способствовало значительному оживлению торговых отношений России со Средней Азией.

Узбекские купцы еще на втором году существования Оренбурга приезжали сюда в большом количестве с различными товарами. И. Кириллов сообщал в 1736 г. в коллегии иностранных дел: «В Бухарах, в Туркестане, в Ташкенте, в Хожанте — нигде в тамошних краях войны никакой нет, и тамошние сарты или купцы с охотою желают торги свои в Оренбурге иметь и немалое число в прошедшей весне с товарами отправились, токмо уедава, что в Оренбурге купечества русского нет, возвратились. А ташкентцы и некоторые Средней Орды, быв в Оренбурге приехали в Самару для подлинного разведывания, в будущем лете торг зачнетца ль»²⁸.

В 1737 г. ташкентские купцы, прибывшие в Уфу, просили Кириллова организовать ярмарку в Оренбурге. В 1738 г. ташкентский правитель дал согласие на прибытие российских купцов в Ташкент²⁹.

В 1742 г. И. Неплюев известил коллегии иностранных дел о том, что к реке Орь прибыло 400 ташкентских купцов»³⁰.

Арсал торговых связей Оренбурга все более расширялся. Так, в 1745 г. хан Среднего жуза Султан Барак информировал И. Неплюева, что правитель городов Андижан, Наманган и Ходжент Абдулкеримбок говорил его послу, что «пред будущей весной з знатными людьми купеческий караван отправит в Оренбург»³¹.

Администрация Оренбурга принимала также некоторые меры, направленные на выращивание в крае отдельных сельскохозяйственных культур из Средней Азии, в частности дынь, хлопчатника и др. Так, попытка выращивания хлопчатника была сделана еще в 1753 г. По этому поводу представитель администрации Оренбургского края писал в Санкт-Петербург: «Послал я (в Санкт-Петербург.— Х. З.) для усмотрения хлопчатой бумаги траву и хотя я надеялся тогда, что она вся созреет, только поспело из нее несколько шишечек, а протчие захватил мороз, прежде ежели они поспели, из созревших при сем посылаю 5 шишечек да и тех семена совершенно ль поспели не знаю, потому едва уж возможно ль, чтоб сие здесь размножить...»

Таким образом, русско-среднеазиатские экономические связи постепенно выходили за рамки чисто торговых отношений.

Важно отметить также, что постепенно в Оренбурге образовались поселения узбеков и других выходцев из Средней Азии, часть которых добровольно принимала российское подданство. К концу XVIII в. численность таких переселенцев в России доходила уже до 20 тыс. человек. Все это способствовало укреплению разносторонних связей России со среднеазиатскими ханствами, получивших еще более широкое развитие в первой половине XIX в. И в этом деле, как видим, немалую роль сыграл г. Оренбург, отметивший в 1985 г. свое 250-летие.

Х. З. Зияев

²⁵ Там же.

²⁶ Аполлова Н. Г. Указ. соч., с. 103.

²⁷ Архив внешней политики России, ф. «Сношения России с Бухарой», д. б/н., л. 3.

²⁸ Казахско-русские отношения, с. 126.

²⁹ Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 33.

³⁰ Казахско-русские отношения, с. 215.

³¹ Там же, с. 316.

О ВЛИЯНИИ КУЛЬТУР СТЕПНОЙ БРОНЗЫ НА КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На протяжении последних 15 лет на территории Северной Бактрии изучается древнеземледельческая культура эпохи бронзы (культура Сапалли). На основе значительного количества археологических материалов уже опубликовано несколько монографий¹, в которых рассмотрены различные аспекты материальной и духовной культуры древних земледельцев.

¹ Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973; его же. Древнеземледель-